

- Идет декан по институту, на встречу пьяные студенты.
- Какой курс? - грозно вопрошает декан.

- Ку-р-с? - заплетающимися языками переспрашивают студенты.
- 15 рублей 29 копеек.

Оба смеются. А что, и впрямь злободневная байка из арсенала клары-новиковской тети Соны, прочно ставшей народным персонажем. Эдаким дедом Шукарем в юбке.

- Вчера на открытии сезона в Театре эстрады я представила и этот свежий анекдот.

- А откуда вы их берете, не сами же сочиняете?

- Ну почему же, случается, что и сама.

- Вы настолько, Клара Борисовна, популярны, что вашими сценическими приколами торгуют в очередях.

- Клара Борисовна, вы и ваши друзья - возжеланные объекты для досужего сближения излишне настырных поклонников, которым любопытно знать о вас абсолютно все. Простите меня, грешного, но и мне хотелось бы кое-что выведать у вас для удовлетворения любопытства наших читателей. Вот, например, имея в виду ваше жалостливо-участливое отношение к судьбам слабого женского пола, на чьей стороне вы пребываете в секс-скандале Клинтон-Левински? Неужели вы сочувствуете Монике?

- Да какой там роман! На одной из правительственных вечеринок (хочу заметить, что вы провокатор, потому что журналист и наоборот) в ритме, так сказать, вальса женатый космонавт немного за мной приударил, объяснив "что хочет меня". Но он остался, как говорят картежники, при своем пиковом интересе. С Николаевым у меня ничего не могло быть, потому что, во-первых, он мужчина не моего вкуса, а во-вторых, я не люблю пьяных мужчин. Думаю, что он не контролировал себя, ибо на другой день даже не извинился, значит, не помнил. Вот и вся история с космонавтом. Могу только добавить, что была я тогда начинающей актрисой и, как все актрисы, очень зависимым существом... Зато другой покоритель космоса Герман Титов мне был симпатичен. А кокетничать я могла в то время с любым, для этого-то, собственно, меня туда и пригласили.

- Вы застали советские времена и нравы, и не раз, конечно, приглашались на кремлевские тусовки. Как они там, наверху, вели себя с вами - юной привлекательной особой? Нынче это уже тоже история.

- Да по-разному. Наверное, в банях чего-то и происходило, но я туда не приглашалась. Быть может, ко мне относились с достаточной серьезностью. Впрочем, приключился однажды такой казус. После новогоднего комсомольского банкета меня усадили в машину, чтобы я исполнила мою просьбу и отвезти

муж, когда тот был уже наверняка гуленой, молодым бровастым красавцем. Я видела ее уже пожилой, и, если бы я была мужчиной, я бы, конечно, не ухаживала за ней в таком-то возрасте. Хрущевская жена мне казалась милой домашней бабушкой, мастерицей по части капустных пирогов.

- А вот Раиса Максимовна становилась объектом моего пристального внимания. Вначале я была ее яростной защитницей, но потом, когда ее стали показывать то с детьми в хореографическом училище, то в испанском музее Прадо и отовсюду она как бы со знанием дела вещала, размышляла, советовала, я сыграла миниатюру про капитаншу (Мгновенное вхождение в образ): "Я познакомилась со своим капитаном, когда он был обыкновенным матросом в далеком южном колхозе...". Нет, я не любила ее комментарии, мне они казались смешными.

- Простите, Клара Борисовна, вы кажетесь мне немного уставшей. Вы всегда пребываете в таком бешеном ритме жизни и борьбы?

- Ну, вот вы меня и обидели (делает инстинктивное женское движение в сумочку за зеркальцем). Да и то сказать, два вечера подряд концерты - открытие сезона, до этого плотные репетиции. Мое выступление идет три с половиной часа. Это много, и на сцене я одна.

- Как, впрочем, и во всей нашей эстраде таких, как вы, нет. И здесь вы одна.

- Ну вот и спасибо на добром слове. Но и впрямь нелегко при полном аншлаге все время на цыпочках, на носочках, следить за сотнями зрителей, весь зал держать под прицелом,

во все органы, чтобы Новиковой запретили говорить по-русски, ибо Новикова, это значит я, ганблю, значит, позорю украинскую мову. Что ж, националист и дело его националистское...

- Буквально вчера я раздобыл книгу ваших мемуаров "Моя история". Перелистыв ее, наткнулся на известные всем имена актеров, эстрадников, знакомством с которыми одарила вас судьба. Разные поколения, разные судьбы...

- И неизмеримо жалко, что вырастают новые поколения, которые не могут живьем на сцене увидеть Райкина, Высоцкого, Талькова. Пленка может запечатлеть работу артиста кино, а вот уникальность живого общения со зрителем возможна только при жизни. У Аркадия Райкина я учусь и по сию пору. И мне страшно интересно, каким бы он был сегодня, как бы интерпретировал, играл происходящее. Помните, у него был фантастический номер, когда он изображал начальника без головы. Одни руки на столе и туловище. Так тогда это было страшно играть, опасно. А нынче иным сановникам в глаза говорят, мол, у вас мозгов нет, ну и что, божья роса...

С Игорем Тальковым у нас были теплые искренние отношения. Так получилось, что в концертах мы часто шли друг за другом. Игорь прекрасно знал историю, интересно рассуждал о том, что происходит в стране. Да, вроде бы сильно пил, срывал выступления, но даже в таких обстоятельствах он не вызывал ни отвращения, ни неприязни. Но, знаете, в то время я не воспринимала Игоря как некоего мессии, символическую фигуру. Как, впрочем, и Владимира Вы-

Тетя Соня космонавтам не отдается

Чтобы сблизиться с искусством, надо нынче предъявить ксиву. Именно под мощной оцинкованной крышей апартаментов крупнейшего банка СБС, что на Тверской, нашел я Клару Борисовну. Просторная прихожая, комната справа, комната прямо, распахнутые двери, служилые люди, телефонный трезвон, вешалки. Клара Новикова говорила по телефону, одновременно перекидываясь репликами с сидящим перед ней солидным мужчиной. Превратившись на секунду, она здороваются со мной, деловито протянув ручку. Сдвигаем стулья.

- А я и не предполагал, что ваша работа - это еще и производство, офис, канцелярская мушкетер.

- Вы правы, ведь вы попали в театр. В Театр миниатюр, который образуют трое: соответственно худрук Михаил Михайлович Жванецкий, Роман Карцев и я. Это наш офис. За стеной репетиционный зал, там сейчас Михаил Левитин репетирует с Романом. А два дня назад я готовилась там к концерту.

- И Михаил Михайлович приходит сюда на службу?

- Да, у него здесь кабинет. Да у каждого из нас свои помещения. Мы с вами находимся в комнате, где ведутся всякие переговоры. А иногда у нас здесь бывает много друзей, мы отмечаем дни рождения, праздники...

- Значит, вам шеф Жванецкий? Относительно. Мы решили собраться вместе, когда не стало Виктора Ильченко. Мне позвонил Жванецкий и сказал: "Кларка, свои должны быть вместе..." И вот мы вместе.

- Ну что вы! Она вызывает у меня омерзение, я бы не хотела общаться с ней. Она мне неинтересна. Устроить вселенский скандал там, где дело касается только двоих. Я так понимаю: любила ты его, не любила, что-то там происходило между вами, но близость-то с мужчиной возникает тогда, когда возникают определенные чувства... Да, они могут потом исчезнуть, уйти, порой женщина хочет мужчине отомстить, но не так же, как сделала это она. Она мне просто противна.

- Полностью с вами солидарен, но простите за такой откровенный вопрос, если бы в подобную ситуацию попал ваш муж, как бы вы реагировали?

- Вы знаете, я бы хотела, чтобы какая-нибудь женщина влюбилась в него, чтобы у него загорелся глаз, чтобы он задумался о чем-то еще в жизни, чтобы ему хотелось флиртовать. Такая ситуация вернула бы ему молодость. А мне было бы любопытно наблюдать за ним. Но, честно скажу (сочувствующе-интригующе), ничего подобного не происходит с моим Юрой, а если (дай Бог) и происходит, то я, во всяком случае, этого не вижу, не замечаю, не чувствую и, значит, он действует умело... (хохочет). Что ж, молодец! (смеется искренне-открыто). В общем, во всех ситуациях можно разобратся, важно честно друг другу обо всем говорить.

- Я слышал, что когда-то с вами флиртовал космонавт Николаев, но вы не поддались. Чем же кончился тот мимолетный роман?

домой. Но по дороге я заметила, что груженная ящиками с питьем и закуской машина свернула куда-то не туда. Я запротестовала и довольно активно. Сеанс одновременного секса был отменен. А на другой день узнала, что и впрямь я была расписана, как и другие мои партнерши по искусству, и предназначалась некоему лысому комсомольскому вождю. После этого инцидента несколько лет мне не давали выездных виз.

- Ну а нынче-то зовут на банкеты, на междусобойчики?

- Много, конечно, изменилось. У вождей красивые молодые жены, которые прекрасно смотрятся. Да и ребята стали другими, это уже мое поколение. Дряхлых стариков на кремлевском Олимпе, простите, уже почти не встретишь. Бывает, конечно... И еще, у меня с женами сановных субъектов всегда складываются хорошие отношения. И как тут быть муженькам?

- Хорошо, а кто из супружниц высшего круга вам симпатичен?

- Очень симпатична Нина Иосифовна. Не могу сказать, что между нами какие-то особые отношения, но мне нравится, как она себя ведет. Просто в обращении, и не надо при ней говорить что-то, затаив дыхание, трепетать. А главное для меня - я видела ее реакцию в зале, как она смеялась. Мне это было приятно... Очень мила жена Чубайса.

- Не были ли объектом ваших насмешек, юморных пассажей жены, скажем, Хрущева или Брежнева?

- Что вы, Нину Петровну мне было просто жалко. А Виктория Петровна Брежнева? Она и вышла-то за-

замечать малейшие колебания, реагировать на реплики, возгласы, а иногда и какие-то выходы и, если что-то в зале происходит, не делать вида, будто бы не замечаю, я реагирую на все, моментально. Если честно, это и впрямь непросто.

- Мне кажется, что не каждый актер способен на остроумные экспромты.

- Наверное, не каждый. Мне трудно давать себе оценку, но я научилась этому, видимо, было что-то такое во мне, что потом расцвело и развилось. Эта игра с залом, когда не знаешь, кто же станет твоим партнером.

- По вашим наблюдениям, зритель приходит расслабляться или для него ваши вечера какая-то духовная работа, напряжение? Ведь он должен с вами как бы сопрягаться, быть в тандеме.

- Иные выходят и говорят: "Я так отдохнул", другие: "Вы меня просто вылечили", третьи плачут, четвертые возмущаются. Но чтобы зритель устал, такого не замечала, наоборот, часто слышу: "Три часа прошли как одна минута, спасибо".

- На Украине вас, наверное, любят особенно? Как вы полагаете, в свете последних событий ничего не изменится?

- У политиков своя игра, а в моем репертуаре нет ничего такого, что может обидеть украинцев. С той поры, когда я жила в ридном крае, я ничего не забыла, все помню: и язык, и традиции, и литературу. И украинская-то женщина, моя героиня, добродушная, кокетливая, хитрая, она ведь не изменилась... Правда, какой-то там писемник прислал цидулку

соцкого, которого я почему-то всегда ожидала увидеть каким-то хулиганом. Но он всегда был так опрятен, со вкусом одет, очень симпатичный, никому не делавший зла. Но когда он выходил на сцену, начиналось какое-то рокотание, словно лавина падает с гор.

Вадима Козина, жившего в Магадане, я застала за год до его смерти. Трехкомнатная квартирка - музей. Он - живой экспонат. Большой роуль, подаренный ему Кобзоном, на стенах портреты кошек. Капризный, обиженный старик. "Выпить что-нибудь принесла?" - спросил он с порога. - "Шампанское". - "Гадость". Он пил только водку. Уговорить его спеть было трудно, но мне удалось. Заключили бартерную сделку, я исполняю для него монолог, а он для меня поет. О своей трудной жизни ничего не рассказывал.

- Клара Борисовна, мое время истекает, резко меняю пластинку. Гречкой запаслись?

- Запаслась килограммом, да кг сахара. Но меня больше волновало другое - родился у моей дочери Маши сын Левка, а памперсы-то дорогими стали. Вот где Левку выручила моя популярность: позвонила поклонница - продавщица Оля, и шепнула: "Приезжайте немедленно, завтра памперсы вздорожают". Все бросила и теперь помогаю растить полноценного и сухого ковбоя Хагинса.

- А разве тетя Соня не помогает?

- О, ценю юмор! Так я за двоих.

Феликс Медведев

17.10.98